

Кондратий Биркин

**Анна Австрийская. Кардинал
Мазарини. Детство Людовика
XIV**

*Часть сборника
Временщики и фаворитки*

Кондратий Биркин
Анна Австрийская. Кардинал
Мазарини. Детство Людовика XIV
Серия «Временщики и фаворитки»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174169
Временщики и фаворитки: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-25843-7

Аннотация

«Вдовствующей королеве Анне Австрийской, назначенной Людовиком XIII правительницей Франции, в год кончины короля исполнилось сорок два года. Трудно было узнать прежнюю красавицу в разжирелой матроне, с одутловатым румяным лицом, крючковатым носом, отвислой нижней губой и двойным подбородком. В нравственном отношении Анна Австрийская точно так же изменилась, как и в физическом. Из прежней страстной мечтательницы, угнетенной мужем-самодуром, она сделалась ворчливой ханжой, которая при удобном случае была не прочь угнетать других; женщина, некогда обожаемая Генрихом Монморанси, потом герцогом Бекингэмом, была теперь любовницей, чуть не рабыней кардинала Мазарини, вместе с королевой прибравшего и всю Францию к рукам...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

15

Кондратий Петрович Биркин Анна Австрийская. Кардинал Мазарини. Детство Людовика XIV

Семейство Манчини. – Герцог Бофор. – Ретц-Гонди. – Герцог Эльбеф. – Герцог Буйон. – Принц Конти. – Графиня де Лонгвиль. – Принц Конде (1643–1651)

Вдовствующей королеве Анне Австрийской, назначенной Людовиком XIII правительницей Франции, в год кончины короля исполнилось сорок два года. Трудно было узнать прежнюю красавицу в разжирелой матроне, с одутловатым румяным лицом, крючковатым носом, отвислой нижней губой и двойным подбородком. В нравственном отношении Анна Австрийская точно так же изменилась, как и в физическом. Из прежней страстной мечтательницы, угнетенной мужем-самодуром, она сделалась ворчливой ханжой, которая при удобном случае была не прочь угнетать других; женщина, некогда обожаемая Генрихом Монморанси, потом герцогом Бекингэмом, была теперь любовницей, чуть не рабыней кардинала Мазарини, вместе с королевой прибравшего и всю Францию к рукам. Владычеством Ришелье это королевство было обязано слабоумию Людовика XIII; Мазарини попал во власти-тели государства благодаря сердечной слабости Анны Австрийской... Разница между обоими кардиналами до того огромна, что их невозможно и сравнивать.

Джулио, или Юлий, Мазарини родился в Писсине (Абруцкой области) 14 июля 1602 года. Отец его Пьетро и мать Гортензия Буфалини принадлежали к хорошим дворянским фамилиям. Первоначальное образование Юлий получил в одной из римских семинарий и в юношеских летах продолжал свое учение в Испании, сопровождая туда аббата Иеронима Колонну. Три года молодой Мазарини слушал лекции в Алкале и в Саламанке. Он возвратился в Рим в 1622 году, когда иезуиты намеревались отпраздновать представлением трагедии причисление к лику святых их патрона Игнатия Лойолы. Главная роль была дана Юлию Мазарини, и он сыграл ее с блестящим успехом. Недурной дебют для будущего дипломата! Сценическое дарование юноши обратило на него внимание кардинала Бентиволио, который принял его к себе на службу простым служкою; но, как видно, в этой ничтожной должности Юлий сумел выказать свои дарования. Бентиволио рекомендовал его кардиналу Барберини, племяннику папы Павла V.

– Препоручая этого молодого человека вашему благосклонному вниманию, – сказал он при этом, – я надеюсь отплатить вашей эминенции за все благодеяния, оказанные мне вашим семейством.

– Благодарю за подарок, – отвечал Барберини. – Имя этого юноши?

– Юлий Мазарини.

– Но если он такой способный и дельный малый, почему же вы не хотите оставить его у себя?

– Я недостойн иметь его у себя в услужении.

– Хорошо, я его беру; но на что же он способен?

– На все, ваша эминенция.

– Прекрасно. На первый же случай мы отправим его в Ломбардию вместе с кардиналом Джинети.

И таким образом Мазарини начал свое дипломатическое поприще. В 1629 году он принимал деятельное и успешное участие в качестве уполномоченного интернунция при дворах Франции с Савойею в Сузе. В 1630 году с дипломатическими поручениями он был в Лионе, где представлялся Людовику XIII. Кардинал Ришелье провел более двух часов в беседе с

молодым итальянцем и отозвался о нем, что это единственный государственный человек, которого ему доводилось встретить. Само собой разумеется, что в течение этих двух часов Ришелье успел привлечь Мазарини на свою сторону и приобрел в нем ревностного приспешника интересам Франции. Война с Испанией была тогда в полном разгаре. Мазарини удалось склонить воевавшие стороны к шестинедельному перемирию, а при возобновлении военных действий он имел храбрость выехать верхом между выступившими друг против друга войсками и, невзирая на свистевшие мимо него пули, кричал, махая шляпой: «Мир!!» Маршал Шомберг, видя из условий, предложенных Юлием Мазарини, что выгоднейших невозможно было бы и выговорить даже после самой победы, решился заключить мир, который через два часа был подписан в Кераско. О том, какими глазами смотрели в эту эпоху на Юлиа Мазарини европейские дипломаты, читатель может судить по следующему о нем отзыву венецианского посланника Сагрето:

«Ясновельможный синьор Джулио Мазарини обладает приятной наружностью и хорошо сложен; вежлив, ловок, бесстрастен, неумолим, сметлив, прозорлив, скрытен, умеет молчать, точно так же, как и говорить красно и убедительно; не теряется ни при каких обстоятельствах. Одним словом, он одарен всеми качествами, необходимыми искусному дипломату; первый его дебют на этом поприще обличает мастера своего дела; на театре света он, конечно, займет одну из первых ролей. Судя по его здоровой комплекции, он, если не ошибаюсь, еще долго будет пользоваться готовящимися ему почестями, путь к которым затруднен ограниченным его состоянием».

Пророчество посланника Сагрето сбылось в 1634 году. Ришелье, пригласив Мазарини во Францию, назначил его вице-легатом в Авиньоне. В 1639 году он ездил в Савойю в качестве чрезвычайного посла; наконец 16 декабря 1641 года был наименован кардиналом и 25 февраля следующего года получил шапку из рук короля Людовика XIII. Ришелье на смертном одре указал ему на Мазарини как на благонадежнейшего чиновника, и король, назначив в пособие королеве-правительнице государственный совет под председательством принца Конде, назвал кардинала Мазарини одним из его членов; прочими были: кардинал Сегье, суперинтендант Бутийе и государственный секретарь Шавиньи. Гастон Орлеанский, наименованный главным попечителем дофина, был, однако же, подчинен королеве и государственному совету. Умиравший король особенно не доверял ни ему, ни своей супруге. Когда Шавиньи вздумал оправдывать перед Людовиком XIII Анну Австрийскую от всех взводимых на нее напраслин, король отвечал:

– В моем теперешнем положении я должен ее простить, но верить ей все-таки не могу.

Действительно, он был прав, отзываясь подобным образом о своей супруге. Находясь при последнем издыхании, он убедился в ее коварстве. Двор разделился на две партии: Вандома и ла Мейлльере. Вандом, побочный сын Генриха IV, во времена оны был губернатором Бретани, где вместе со своим братом приором был арестован по делу Шалэ. Кардинал Ришелье назначил губернатором, на место Вандома, маршала де ла Мейлльера. Семейство Вандома протестовало, называя поступок Ришелье противозаконным, произвольным, а сын бывшего губернатора герцог де Бофор заявил, что он тотчас после смерти короля овладеет отцовским местом, хотя бы пришлось прибегнуть к силе. Кроме партий двух претендентов на губернаторство, существовала третья, партия Орлеанского. Анна Австрийская взяла сторону герцога Бофора и, называя его честнейшим человеком во всем королевстве, доверила ему интендантство Нового Замка (Chateau-Neuf), в котором находились король и герцог Анжуйский.¹ Это своевольное распоряжение, еще при жизни короля, возбудило в нем крайнее негодование и навлекло на королеву ненависть принца Конде и герцога Орлеанского... Через два дня Людовик XIII скончался. Из всего его семейства и всего двора при

¹ Младший сын Людовика XIII и Анны Австрийской родился 21 сентября 1640 года.

трупe осталось только три человека для оказания покойному последних услуг: Карл Амедей Савойский, герцог Не-мур, маршал Витри и маркиз де Сувре. Они присутствовали при вскрытии, омовении, одевании и положении Людовика XIII на парадный одр. Королева со своими дамами удалилась в старый замок, в котором находились и ее дети. Придворные группировались около герцога Орлеанского, ла Мейлльере и герцога Бофора. Последнему Анна Австрийская поручила попросить к ней герцога Орлеанского. Принц Конде, желавший за ним последовать, был остановлен Бофором.

– Королева могла бы прислать капитана своих телохранителей, а не вас, – заметил обиженный Конде. – Вы и должности никакой не занимаете.

– Я исполнил приказание королевы, – отвечал Бофор, – и во всей Франции нет человека, который осмелился бы запретить мне повиноваться королеве.

Следствием этого столкновения была непримиримая ненависть между принцем Конде и герцогом Бофором.

17 мая парламент признал Анну Австрийскую правительницей, с предоставлением ей совершенной свободы при выборе сотрудников и помощников в великом деле государственного управления. Эта статья парламентского указа низводила всех членов государственного совета, назначенных покойным королем, на степень подчиненных воле Анны Австрийской. Все были уверены, что ни Мазарини, ни Шавиньи не удержатся на своих местах и немедленно будут уволены. Тот и другой обедали у командира де Сувре в самый тот день, когда весь двор полагал, что Мазарини готовился к отбытию в Италию. Когда после обеда хозяин и гости сели за карты, вошел в комнату Беринген, первый камер-лакей королевы. Передав свои карты одному из гостей, Ботрю, кардинал поспешно подошел к посланному и отвел его в сторону.

– Добрая весть! – шепнул Беринген.

– Какая?

– Ее величество неизменно благоволит к вам.

– От кого вы это знаете?

– Я слышал, как господин де Бриенн говорил, будто королева желает назначить вас первым министром.

– Вот как! Что же сказал де Бриенн?

– Он сказал королеве, что если правительству нужен первый министр, то выбор на эту должность вашей эминенции не оставит желать ничего лучшего; что вы и человек опытный в делах, и самый верный подданный ее величества.

– А Бриенн ручался за меня?

– Сказал, что за ваше повышение вы отплатите королеве благодарностью и неизменной преданностью. Государыня выразила только опасение, не связаны ли вы с какой-нибудь из придворных партий.

Мазарини усмехнулся.

– Благодарю вас, господин Беринген, за сообщенные мне сведения. При случае надеюсь достойным образом наградить вас. Камер-лакей медлил уходом.

– Я еще не все сообщил вам, – сказал он нерешительно. – Я пришел к вам не сам от себя...

– От кого же?

– От королевы.

– А, это другое дело. Досказывайте же.

– Разговор с де Бриенном передан мне самой королевой, для сообщения вам. Кроме того, она желает знать: может ли она в случае надобности верно на вас рассчитывать, как на надежную опору?

– Скажите ее величеству, что весь я принадлежу ее интересам. Хотя мне следовало бы обо всем сообщить моему другу Шавиньи, но я сохраню все дело в тайне, как и сама королева...

– Ваша эминенция, не напишете ли вы всего этого сию же минуту?

– Этого нельзя, потому что хозяин и гости могут подумать...

– Долго ли написать карандашом, – сказал Беринген, подавая свою записную книжку и карандаш. Мазарини написал четким своим почерком:

«Иной воли у меня никогда не будет, кроме воли государыни. Теперь же от всего сердца отступаю от тех выгод, которые предоставлены мне духовным завещанием короля,² полагаясь на беспременную доброту ее величества королевы. Писано собственною моею рукою. Ее величества покорнейший, подданный и признательнейший раб ее Юлий, кардинал Мазарини».

Беринген вручил королеве это обязательство, начертанное кардиналом в его записной книжке; Анна Австрийская отдала ее на сохранение графу де Бриенну. На другой же день Мазарини был назначен председателем государственного совета. Эта милость и неограниченное доверие королевы к кардиналу пробудили давно умолкнувшие слухи о связи Анны Австрийской с Мазарини, существовавшей будто бы при жизни короля, с 1635 года. Нашлись злоязычники, утверждавшие, что дофин Людовик и брат его герцог Анжуйский – сыновья Мазарини; впоследствии, когда по всей Франции пронесся слух о таинственной железной маске, тысячи уст утверждали, что несчастный узник Бастилии не кто иной, как побочный сын Анны Австрийской от кардинала Мазарини. Время разоблачило клеветы завистников первого министра, и на основании несомненных данных можно сказать, что кардинал интимно сблизился с Анной Австрийской только в год кончины Людовика XIII (1643), когда вместе с ее нежным сердцем она доверила его рукам кормило правления. Не скрывая своего расположения к кардиналу, королева старалась уверить всех своих приближенных, что ее отношения к Мазарини самые безукоризненные, а беседы с глазу на глаз касаются вопросов государственных и религиозных о спасении душевном... В характере Анны Австрийской в эту эпоху проявились черты того лицемерия и ханжества, которые вскоре привились во французском обществе второй половины XVII века; черты, память о которых на веки вечные сохранится в потомстве благодаря мольеровскому Тартюфу. Нравственная эпидемия иезуитского ханжества в царствование Людовика XIV быстро распространилась по всей Франции, угрожая в будущем самыми плачевными последствиями. Таковыми были: отмена Нантского эдикта и безобразное настроение духа всего французского общества в последние годы жизни Людовика XIV. Риторические громы Боссюэта, Бурдалу, Массильона и Флешье нагнали на аристократию суеверную панику, сообщившуюся среднему и даже низшему классу. С Мольером, нисшедшим в могилу, театр утратил свое высокое нравственное значение, и эту кафедру, с которой Мольер громил общественные пороки, иезуитские проповедники – в свою очередь – провозгласили «сосудом дьявольским, орудием сатаны» и т. п. Мольер – комедиант, скоморох – мог смело сказать, что он до последней минуты был верен девизу: смех исправляет нравы (*ridendo castigat mores*); иезуиты-витии, наоборот, своими проповедями, заставляя Францию плакать, изуродовали общественные нравы, наложили на них вериги ханжества и фанатизма. Эпоха регентства (1715–1723 гг.) была обращением Франции от одной крайности к другой; но иначе быть не могло! Общество, утомленное напускным аскетизмом, изнуренное насильственным воздержанием, сбросило с себя властя-

² Он слагал с себя звание члена государственного совета, чтобы быть первым министром. Обмен, как видит читатель, очень выгодный.

ницу, в которую его закутали иезуиты и явилось в наготу языческой вакханки, вознаграждая себя за долгий пост возмутительными вакханалиями и луперкалиями.

Вместо прежнего пепла вся знать посыпала себе голову ароматной пудрой; вместо недавнего сухоедения ударились в чревоугодие, пьянство, распутство; вместо покаянных вздыханий затянула неблагопристойные песни. На смену витиям явилась целая плеяда авторов, последователей Бокаччио и Аретина; явился Вольтер – бич ханжества и суеверия, и, не отделяя пшеницы от плевел, истины христианской от лжи иезуитизма, выжег из умов и сердец верования, к ним привитые... Где Мольер колот булавкою, там Вольтер рубил топором; первый старался отрезвить общество от иезуитского хмеля, второй – одно опьянение заменил другим...

Мольер для французского общества исхода XVII столетия был пиявицею, отсасывавшею у него вредные соки, привитые иезуитизмом; Вольтер для XVIII века был ядовитым аспидом: он язвил, но не исцелял, и вместо одного яда прививал другой; Мольер старался перестроить, Вольтер – разрушал, и все его произведения – протест нового поколения на заблуждения старого; он не был сеятелем революционных идей, а только пахарем, приготовившим почву для их восприятия.

Всмотритесь пристально в этот переход Франции от старого образа мыслей к новому, восходите к источнику. Анна Австрийская, истая дочь Испании, – блудливая, как кошка, в молодости, трусливая, как заяц, под старость, – являет французскому обществу дурной пример ханжества, прикрывающего тайные грешки: она усердно слушает проповедников, строго соблюдает их приказания, чуть не бичуется дисциплиною и в это же самое время сожительство с кардиналом в полной уверенности, что это сожительство, благодаря сану возлюбленного, извинительно. Придворные дамы следуют поданному примеру; лицемерие, кощунствующая набожность входят в моду. Достойный сын Анны Австрийской, Людовик XIV – Юпитер в молодости и чуть не Будда в том возрасте, когда – по выражению Бертрама в опере «Роберт»:

«Когда грешить нет силы боле!»

– Людовик XIV доходит в ханжестве до Геркулесовых столбов; французское общество не отстает от него. Регентство – революция нравственная, предшественница революции политической; одна начинается разлитым морем вина, другая оканчивается разлитым морем крови, и где же находим источники того и другого? В будуаре Анны Австрийской, в котором она беседует со своим Мазарини о душевном спасении, не забывая и наслаждения телесного. Нравственный недуг, который стараниями королевы прививается к государственному организму, через полтора года лет требует операции радикальной, и до 900000 голов падает под лезвием гильотины.

На шестой день кончины Людовика XIII (20 мая 1643 года) в Париже получено было известие о победе, одержанной над испанцами герцогом Ангиенским, сыном принца Конде и Шарлотты Монморанси – последней любви Генриха IV. Он и сестра его герцогиня де Лонгвилль родились у супругов после десятилетнего бесплодного сожительства. Принца с Шарлоттой сблизило пребывание первого в заключении в Венсенском замке. Предоставляем физиологам разрешить любопытный вопрос: до какой степени сильно влияние на характер человека места его рождения? Герцогиня де Лонгвилль и брат ее герцог Ангиенский в тюрьме родились, и оба играли весьма важные роли во время волнений, ознаменовавших эпоху регентства Анны Австрийской. Победа герцога при Рокруа обратила на него внимание всей Франции и снискала ему расположение королевы-правительницы. В это же самое время она воротила из ссылки своих приближенных: госпожу д'Отфор, маркизу де Сенесе, Лапорта и наконец герцогиню де Шеврез. Любимица возвращалась из Брюсселя в Париж с

пышностью королевы. Прислуга ее помещалась в двадцати каретах, за которыми следовал целый обоз имущества. На расстоянии трехдневного пути до Парижа навстречу герцогине выехал принц де Марсильяк и предупредил ее, что Анна Австрийская теперь не та, какой была прежде, и чтобы герцогиня в беседах с ней была повоздержаннее на язык и менее игрива в шутках. Захватив в собой мужа, жившего в Сан-лисе, герцогиня де Шеврез прибыла наконец в Лувр.

Холодность, выказанная королевой при приеме бывшей своей любимицы, доказала герцогине де Шеврез, что Анна Австрийская действительно изменилась к худшему; кроме того, место любимицы было уже занято супругой принца Конде Шарлоттой Монморанси, которая, несмотря на свои пятьдесят лет, не утратила ни красоты, ни способности интриговать и наушничать.

Преувеличенная набожность королевы, умышленное забвение ею времени минувшего, когда и она, грешная, пошаливала благодаря содействию герцогини де Шеврез, наконец, ее охлаждение к Испании и приверженность интересам Франции – все это ставило герцогиню в какое-то ложное, натянутое положение. Она рассчитывала на расположение к себе Анны Австрийской за услуги, ей оказанные двадцать лет тому назад; но услуги-то эти были такого рода, что королева теперь стыдилась и вспоминать о них; тогда, увлеченная страстью к герцогу Бекингэму, угнетаемая Людовиком XIII, оскорбляемая кардиналом Ришелье она считала герцогиню другом и единственной своей утехой... Теперь эту же самую герцогиню она готова была назвать своей сводницей и чуть ли не главной виновницей своих заблуждений молодости. В политических убеждениях та и другая точно так же диаметрально расходились, и приятельные отношения герцогини к Фландрии, Лотарингии и Испании не могли нравиться королеве. Через два часа после представления герцогини, по возвращении ее домой, ей доложили о приезде кардинала Мазарини. По старой памяти, считая его лакеем кардинала Бен-тиволио, герцогиня приняла могучего временщика высокомерно и была с ним тем надменнее, что итальянец был вежлив до самоунижения и рассыпался перед бывшей любимицей в любезностях. Перед уходом он упросил ее, в особенное для него одолжение, принять заимообразно пятьдесят тысяч ефимков золотом, на покрытие путевых издержек герцогини. Не подозревая ловушки, герцогиня, уверенная в преданности Мазарини, попросила его похлопотать о возвращении семейству Вандома бретанского губернаторства. Министр отвечал, что отнять достояние Мейлльере он не вправе, но что если герцогине угодно, то он с удовольствием готов вознаградить Вандома назначением его управляющим адмиралтейством и генерал-инспектором всех французских портов. Герцогиня, довольная уступчивостью кардинала, попросила у него для герцога д'Эпернона возвращения ему чина генерала от инфантерии и губернаторства Гюйэнны. Чин герцогу Мазарини согласился возвратить, но губернаторство было уже отдано графу д'Аркуру... Герцогиня с назойливостью попрошайки обратилась к кардиналу с третьей просьбой: заменить канцлера Сегье маркизом де Шатонефом в должности хранителя печати. На этот раз Мазарини, обещая ей иметь этого претендента в виду, внутренне дал себе слово при первом же удобном случае подставить ногу любезной герцогине, немножко чересчур радеющей о своих приятелях. Со своей стороны, и эта госпожа, одоляясь кардиналу, любила давать лишнюю волю своему острому язычку и подсмеивалась над ним королеве, воображая, что Мазарини тот же Ришелье... Но Анна Австрийская была не та, и шуточки над кардиналом имели последствием совершенное охлаждение к ней королевы. Не долго думая бывшая любимица пристала к партии Бофора. За злоречие о министре подверглась опале королевской и госпожа д'Отфор: ей Анна Австрийская напомнила через своего камердинера, что она, дурно отзываясь о первом министре, обижает и государыню. В это время прибыл ко двору бежавший за границу друг и сообщник покойного Сен-Марса – де Фонтрайль. Королева приняла его как нельзя суше и холоднее. Фонтрайль попытался укрыться под крылышко герцога Орлеанского, но и

тот отстранил от себя старого интригана... Тут же, как нарочно, Бутийе и Шавиньи впали в немилость и, обиженные Мазарини, подав в отставку, присоединились к партии недовольных, группировавшейся вокруг герцога Бофора. Герцогиня де Шеврез доводилась ему даже несколько сродни: ее молодая мачеха госпожа де Монбазон была его любовницей. Глава партии герцог де Бофор – молодой, красивый собою, храбрый и предприимчивый – был вместе с тем груб и без всякого образования, до того, что в разговоре делал непозволительные грамматические ошибки. В стенах своего дома он открыл ежедневные сходки своих приверженцев, названных народом партией важных (*partie des Importants*). Эту партию ко вступлению в открытую игру побудило обстоятельство самое ничтожное.

В гостиной супруги герцога Геркулеса де Роган, госпожи де Монбазон, после собрания, бывшего у нее, были найдены две безымянные любовные записки, кем-то подброшенные или потерянные. Хозяйка дома из их содержания догадалась, что записки потеряны внуком адмирала Колиньи, а к нему писаны были герцогиней де Лонгвилль (дочерью герцога Конде), молодой супругой старого уroda, в свою очередь, до безумия влюбленного в герцогиню де Монбазон. Последняя разгласила по всему двору о находке писем, не умалчивая об именах нежных корреспондентов. Супруга герцога Конде, вступаясь за доброе имя дочери, принесла королеве жалобу на герцогиню Монбазон, обвиняя ее в клевете и диффамации. Анна Австрийская успокоила просительницу обещанием примерно наказать клеветницу. Как бы в задаток исполнения этого обещания королева навестила беременную герцогиню Лонгвилль в ее загородном замке и выразила ей свое искреннее участие. В этот же день недовольные явились с визитами к герцогине Монбазон.

Верная данному слову, королева приказала кардиналу набросать формальное извинение, которое герцогиня Монбазон в присутствии всего двора должна прочесть герцогине Лонгвилль. Для пущего унижения вельможной клеветницы ее отречение от напраслины, возведенной на невинную де Лонгвилль, происходило на балу, в доме последней. Прощение, прошенное с одной стороны и данное с другой, разумеется, не примирило их, но только пуще разожгло обоюдное озлобление. Дочь Конде испросила у королевы позволения не выезжать и ко двору даже во все те дни, когда при нем появляется герцогиня Монбазон... Столкновение врагов, как и следовало ожидать, не замедлило с результатами.

Герцогиня де Шеврез давала в саду завтрак в честь королевы, на которой Анна Австрийская приехала с герцогиней Лонгвилль... Их встретила, разыгрывая роль хозяйки, ненавистная Монбазон. Обиженная дочь Конде попросила у королевы позволения удалиться, но Анна ее удержала, предложив удалиться герцогине де Монбазон под предлогом нездоровья... Та отказалась от предложения.

– В таком случае и я не останусь! – сказала Анна Австрийская и, не прикоснувшись к завтраку, возвратилась в Лувр вместе с герцогиней Лонгвилль.

На другой же день соперницу ее попросили выехать из Парижа в свое поместье. Досаду за свою возлюбленную, герцог Бофор стал на каждом шагу делать дерзости кардиналу и королеве, в то же время располагая умертвить первого из-за угла. Гнусный заговор, без сомнения, удался бы, и только счастливый случай спас жизнь Мазарини: в его карету сел Гастон Орлеанский, и убийцы не посмели стрелять по ней. В другой раз его уведомили накануне, чтобы он не проходил в Лувр обыкновенной дорогой под опасением убийства из-за угла.

– Этого я без наказания не оставлю, – сказала королева, узнав о заговоре на жизнь кардинала, – и через сорок восемь часов злодеи за все заплатятся!

На другой же день герцог де Бофор был арестован в Лувре, в комнатах королевы, и заточен в Венсенский замок. Для прислуги ему дали придворных повора и лакея; он просил, чтобы ему прислали его слуг, но просьба эта была отклонена. Отцу, матери герцога и брату его герцогу де Меркеру высочайше повелено было выехать из Парижа... Герцогиня де

Шеврез (меднолобая госпожа) поехала к королеве и вздумала было заступаться за семейство Вандом, за что удостоилась услышать добрый совет: жить в Париже смиренно и не в свое дело не вмешиваться. Герцогиня попыталась возражать, и тогда королева предложила ей вместе с дочерью отправиться в Тур. Отсюда та и другая, переодетые в мужское платье, перебрались в Англию.

За опалую герцогини де Шеврез следовали падения господ Сенесе и д'Отфор. Выведенная из терпения их постоянными просьбами и попрошайничеством, королева попросила первую удалиться от двора, а вторую не докучать ей более. Так расстроены были все козни и происки партии важных, и Мазарини остался полным обладателем выгодной своей позиции, и весь двор перед ним раболепствовал.

Около этого времени прибыл в Париж герцог Ангиенский, брат герцогини де Лонгвилль. Узнав о нанесенном ей оскорблении, он решился наказать если не главных клеветников, то, по крайней мере, их сообщников. В этом вызвался быть ему сподвижником граф Колиньи, любовник герцогини де Лонгвилль. Он попросил у герцога Ангиенского позволения вызвать на дуэль любовника герцогини Монбазон герцога Генриха Гиза, принца Жуанвилль. Внук знаменитого «Порубленного», Генрих родился в Блуа 4 апреля 1614 года и в эпоху рассказываемых нами событий имел двадцать девять лет от роду. Как младший в семействе, он должен был посвятить себя духовному званию и вскоре приобрел громкую известность своими соблазнительными похождениями и шутовскими выходками, достойными не потомка Гизов, а скорее какого-нибудь площадного шута. Весь Реймс (в котором он был архиепископом) говорил о его связи с женой Жуайеза, губернатора Шампани. Горничная госпожи де Жуайез пришла однажды к архиепископу с просьбой дать ее брату место каноника. Гиз исполнил ее просьбу с условием, чтобы она, подобно своему брату, облачилась в одеяние каноника, и горничная месяца три щеголяла в этом наряде. Не правда ли, остроумная шутка? После госпожи де Жуайез герцог-архиепископ усердно ухаживал за мадемуазель де Виллье, актрисой Бургонского отеля, и в ее честь одевался в платье желтого цвета, особенно ею любимого. При всем своем тупоумии этот выродец знатной фамилии Гизов любил чваниться своим происхождением и требовал, чтобы при утреннем его туалете ему прислуживали знатнейшие прелаты. После актрисы Виллье Гиз затеял интригу с Бенедиктою Гонзаго, младшей дочерью герцога Невер, настоятельницей женского монастыря Авенэ... После двухнедельной связи он сблизился с ее сестрой Анной, с которой, несмотря на свое духовное звание, тайно обвенчался. Это не помешало ему в бытность во Фландрии обвенчаться и со вдовой графа Боссю Гонориною Глим. Спасая свою пустую голову от эшафота, этот скоморох жил за границей по самый день смерти Людовика XIII; Анна Австрийская разрешила ему возвратиться во Францию. Покинув и вторую жену свою, Гиз прибыл в Париж во время распри двух герцогинь из-за любовных писем и принял сторону герцогини Монбазон, скрепив свой союз связью с ней.

К этому-то милому Дон-Жуану граф Маврикий де Колиньи прислал своего секунданта д'Эстрада. Местом поединка назначена была Королевская площадь, на которую выходили окна дома герцогини Роган.

Невидимая бойцами, герцогиня де Лонгвилль смотрела на поединок. Бились на шпагах Гюиз, Колиньи и их секунданты д'Эстрад и Бридье... После трех первых пассивных шагов граф Колиньи упал, тяжело раненный в грудь, и месяца через четыре умер от этой раны. Фамилии Колиньи, как видно, было написано на роду постоянно страдать от фамилии Гизов. С легкой руки этих бойцов дуэли, утихнувшие при Ришелье, снова вошли в моду между французским дворянством; указ против поединков утратил свою силу. Здесь нелишним считаем заметить, что, по статистическим сведениям, собранным де Ломени, в Париже с 1589 по март месяц 1607 года пало на дуэлях до четырех тысяч человек. Прав ли был Ришелье, принимая жесткие меры к искоренению этого зла?

7 октября 1643 года королева вместе с сыновьями – королем Людовиком и герцогом Анжуйским – переехала из Лувра во дворец, завещанный королю кардиналом Ришелье и с этого времени переименованный во дворец королевский (Palais-Royal). Построение его обошлось кардиналу в 816 618 ливров, что составляет около четырех миллионов франков (миллион рублей серебром). Племянница покойного, знаменитая госпожа д'Эгилльон (Комбалле), подала королеве прошение о сохранении за дворцом его прошлого названия кардинальского, и Анна Австрийская согласилась; но прозвище Пале-Руайяля сохранилось и удержалось в народе. Пятилетнего короля (будущего Людовика XIV) поместили в комнате кардинала; себе королева взяла кабинет, присоединив к нему молельню, будуар и драгоценную картинную галерею, наполненную произведениями Леонардо да Винчи, Андре дель Сарто, Аннибала Каррачи, Паоло Веронезе, Гвидо Рени, Рафаэля и Пуссена. Возлюбленный кардинал занял флигель дворца, соединенный с королевскими покоями внутренней галереей.

Король до семи лет оставался на попечении нянюшек и гувернанток. Попечителем его был кардинал; гувернером – Вильяму; наставником – Бомон; сверстником – Людовик Генрих де Ломени, граф де Бриенн; камердинером – Лапорт. Последние два вели записки о детстве будущего версальского Юпитера, которые можно назвать драгоценнейшими материалами для его биографии. Кроме маленького графа де Бриенна, в сверстники к королю приставлены были сыновья маркиза де ла Шартра, графа дю Плесси Прален, малолетние Куален (племянник канцлера Сегье) и де Вивонн. Этим отрядом потешных командовала горничная королевы, госпожа ла Салль. Раз в сутки дети играли с королем в солдаты, причем он исправлял должность барабанщика, так как в нежнейшем возрасте выказывал особенную склонность к барабанному бою... Какая богатая тема для фальшивых хвалебных гимнов придворной челяди и поэтов-прорицателей! «В пятилетнем младенце видим будущего героя!» – твердили они, упуская из виду, что к игре в солдатики искони веков одинаково склонны и дети королей, и обыкновенных смертных. Кроме госпожи ла Салль, в играх пятилетнего дофина участвовала и госпожа де Сенесе.

При переселении королевской фамилии в Пале-Руайяль король Людовик отдан был на попечение мужчин, чем он был весьма недоволен, привыкнув к своим собеседницам. От Ла-порта, ложась спать, он требовал, чтобы тот говорил ему сказки. Вместо сказок камердинер каждый вечер читал королю главу из «Истории Франции» Мезере, и чтение это приносило Людовику большое удовольствие. Кардинал Мазарини, узнав об этом, сказал, что если камердинер Людовика учит его истории, то учитель, вероятно, его обувает. Кардинала король решительно ненавидел и при каждом удобном случае выказывал ему свою ненависть. Независимо от инстинктивного отвращения, питаемого детьми вообще к любовникам их матерей, причиной ненависти Людовика к Мазарини была скарденность последнего, которую испытывали на себе дофин и брат его. Кардинал уменьшил наполовину количество белья, ассигнованного маленьким принцам, удвоив срок, на который оно выдавалось; вследствие этого, говорит Лапорт в своих записках, простыня короля была в дырах, а халат, который он носил зиму и лето и из которого вырос, доходил ему до колен. Это содержание будущего короля в черном теле – истинный источник его безумной страсти к роскоши в зрелом возрасте. «Каким образом?» – спросит читатель, и мы ответим: «Самым естественным». Чувство возмездия врождено каждому человеку, и за лишение чего-либо в одном возрасте человек всегда старается вознаграждать себя в другом. Укажем для примера на факт обыденный: сын скупого богача всегда бывает мотом и в два-три года расточит капитал, собранный его отцом в течение двух-трех десятков лет. Если бы почтенный родитель не лишил сына тех удовольствий, которые с юности составляют насущную потребность, если бы старик выдавал ему на его гардероб сумму, соответствующую своему состоянию, – сын, введенный во владение наследством после отца, конечно, не был бы мотом. Соря деньгами теперь, он воз-

награждает себя за минувшие лишения и за прежнее воздержание от удовольствий пресыщается ими. Та же самая история была и с королем Людовиком XIV: он не был бы расточителем, если бы не рос на попечении скряги кардинала Мазарини. От скарденности последнего терпел весь двор – от королевы и ее детей до последнего сторожа. В видах сокращения расходов Мазарини лишил фрейлин и статс-дам обеда и ужина, отпуская их прежде; придворные дамы и девицы питались объедками, остававшимися от обедов и ужинов королевы; многие были принуждены есть приносимое им из их собственных кухонь. В ноябре 1645 года, по случаю подписи брачного контракта принцессы Марии Гонзаго и Владислава IV, короля польского, при дворе дан был праздник и ужин его посланникам. Первое блюдо было съедено голодными придворными лакеями, прочих блюд было, как говорится, в обрез; когда же гости начали разъезжаться и вышли на парадную лестницу, она не была освещена, и они едва не разбили себе носов. Жалкое понятие составили себе польские магнаты о дворе французском и его администрации. Анна Австрийская, дочь обладателя обеих Индий, богатства которого вошли в поговорку, покорялась распоряжениям Мазарини, жадного проходимца, и не имела смелости требовать от него и малейшего улучшения своего придворного быта. Скуп был Людовик XIII, но зато Ришелье, ревнуя о возвышении королевской власти, окружал его пышностью и блеском, составляя необходимые элементы обстановки, окружавшей короля. Мазарини, напротив, низвел эту обстановку на степень какого-то нищенства, возбуждавшего омерзение.

Между тем события политические шли своим чередом. Франция вела войну с Австрией и Испанией. Одержав верх над первой в битве при Фрейбурге и отняв у нее Гравелин, она проиграла второе сражение при Лериде и принуждена была снять осаду Таргоны. На папском престоле Иннокентий X сменил Урбана VII; королева английская Генриетта, утраченная началом революции, бежала из своего королевства в свою родину – Францию... 1644 год был, кроме того, ознаменован бунтом в Париже и появлением секты янсенистов. Бунт был следствием налога на домовладельцев за возведенные ими строения в предместьях, вопреки старинному указу парламента. Народ три дня шумел и волновался, наконец смирился и утих, называя свою демонстрацию бунтом размежевки (*revolte du toise*). Эта вспышка народного восстания в сравнении с янсенизмом была искрой в сравнении с пожаром. Откуда произошла эта секта? Покойный Ришелье, обратив внимание на возвышенный ум и высокие качества аббата Сен-Сириана, предложил ему епископство в 1636 году, от которого аббат, к удивлению кардинала, отказался, довольствуясь своей скромной долей и не желая лучшего. Гастон Орлеанский, потеряв первую супругу (мадемуазель де Гиз, родившую ему дочь, известную под именем Мадемуазель), решил вступить в брак вторично с принцессой Лотарингской. Ришелье, бывший против этого брака, вздумал его расторгнуть, и все французское духовенство в угоду деспоту объявило его недействительным; один аббат Сен-Сириан признал его законным. За это неповиновение воле кардинала аббат был заточен в Венсенский замок 14 мая 1638 года. За восемь дней перед тем в Бельгии умер друг его Корнелий Янсениус, епископ Ипрский, оставив после себя огромное сочинение под именем *Augustinus*, посвященное рассуждению о благодати, – вопросу, которого папа Урбан VIII строжайше запретил касаться. Это сочинение было напечатано и навлекло на себя жестокие нападки со стороны иезуитов; друг автора, аббат Сен-Сириан, поручил защищать книгу Антонию Арно, младшему из двадцати сыновей известного адвоката. Приверженцы нового учения Янсениуса названы были янсенистами. Королева, взяв сторону иезуитов, отдала приказание, чтобы Антоний Арно отправился в Рим на суд папы, но адвокат скрылся, а университет и Сорбонна вошли к королеве с ходатайством о помиловании их члена... К их голосам присоединился и парламент, объявивший, что галликанская церковь, будучи самостоятельной, не подлежит ведению ватиканского кабинета и Арно должен быть судим (если только подлежит суду) не в Риме, а в Париже. Таким образом, вопрос о янсенистах с тео-

логической почвы был перенесен на политическую, и Анна Австрийская принуждена была отменить свое решение. Эта уступка правительницы парламенту породила множество толков во всех сословиях вообще, в духовном в особенности. Ярыми приверженцами янсенизма явились отшельники Пале-Руайяля, и впоследствии немало наделали они хлопот королю Людовику XIV и всем вообще сторонникам иезуитизма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.